

Л.М. Артамонова*

**УЕЗДНЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА -
СТАВРОПОЛЬСКИЙ И САМАРСКИЙ УЧИТЕЛЬ
ПЕТР КИРИЛЛОВИЧ СЫЧУГОВ**

Начальная история народного просвещения в Самарском Поволжье оставалась долгое время в забвении в местном краеведении. В последнее время автором данной статьи были проведены исследования и представлены публикации, посвященные первым школам и учителям нашего края в XVIII - первой трети XIX веков¹.

В связи с изучением развития образования также ставился вопрос о первых шагах формирования интеллигенции в уездных городах будущей Самарской губернии до ее образования в 1851 г.² Тематически и хронологически продолжить и расширить решение обозначенных выше исследовательских проблем позволяет предпринятый здесь анализ жизненного пути П.К. Сычугова, внесшего заметный вклад в развитие образования в нашем крае. Источниками послужили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге и Национального архива Республики Татарстан (НАРТ) в Казани³.

Петр Кириллович Сычугов родился в 1800 г. в семье офицера. Его отец не был потомственным дворянином, а получил личное дворянство на службе. Сыну от него остались всего-навсего две крепостные души мужского пола. Скромное «родовое имение» находилось в Спасском уезде Казанской губернии, где, возможно, и родился будущий учитель⁴.

Ни офицерское жалованье, ни доходы от маленького поместья не давали возможности обеспечить сына домашними учителями или поместить в частный пансион. Однако отцу удалось воспользоваться возможностью дать ему самое лучшее образование, какое можно было получить за казенный счет. В 1819 г. молодой Сычугов уже заканчивал курс обучения в Казанском университете. Будучи казеннокоштным студентом, он не мог самостоятельно выбирать род и место службы, а был обязан отработать за свое обучение 6 лет там, где распорядится начальство⁵.

Он, конечно, до поры до времени не знал, что еще в 1818 г. Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен поднял перед министром духовных дел и народного просвещения князем А.Н. Голицыным вопрос о том, что в школе Калмыцкого войска, размещенного в Ставропольском уезде Симбирской губернии, не осталось учителей. Эссен писал: «Со времени учреждения сей школы [в 1741 г. - Л.А.] определяемы были в оную учителя из разных сословий и наконец из церковников, обученных в Симбирском народном училище, из сих последних один выбыл по-прежнему в духовное звание, а другой умер, после коих с 1816-го года никто уже не изъявлял желание занять сии

* д.и.н., профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Самарской государственной академии культуры и искусств.

места; почему по сей причине учение в школе Ставропольской Калмыцкой вовсе прекратилось»⁶.

Прекращение деятельности школы беспокоило губернатора, поскольку она выполняла не только чисто образовательные функции по обучению калмыцких детей «российскому чтению, письму и добрым обычаям», но также политические и религиозные. В школу набирались 20-30 учеников или более, как правило, из знатных семей, что способствовало интеграции калмыцкой элиты в российскую социальную систему, распространению в калмыцком обществе православия и оседлого образа жизни. Губернатор просил учителя из числа воспитанников или Казанского университета, или Симбирского главного народного училища, преобразованного затем в гимназию. Однако, прежде чем откликнуться на эту просьбу, министр народного просвещения указал, что сумма, выделяемая на все содержание школы и составлявшая 624 руб. 2 коп. в год, не позволяет определить учителю достойного жалования, а потому вряд ли кто из студентов согласится занять эту должность⁷.

Передав озабоченность министра калмыкам, губернатор в начале 1819 г. добился благоприятных для будущего учителя условий. «Общество калмыцкое по объявлении такового вопроса объявило желание дать жалование тому учителю, которой определен будет, с присовокуплением к прежнему окладу такое количество денег, какое производится в год в уездных по городам училищах младшим учителям, то есть по 475 руб. и сверх того предоставить в распоряжение его сумму на содержание школы, отпускаемую в год по 624 руб. 2 коп., с тем, что он при хозяйственном сбережении может пользоваться остатками ее, и особо до 50 десятин землею пахотною и санными покосами, по штату положенною, которую он вправе будет, отдавать и в наймы в посторонние руки»⁸.

Получив заверения в том, что содержание, определенное учителю Ставропольской калмыцкой школы, будет не ниже, чем у его коллег в других общеобразовательных учебных заведениях, подведомственных министерству народного просвещения, Голицын обратился в Казанский университет подобрать подходящего кандидата. Тот «при доброй нравственности и хорошем поведении» должен был иметь «потребные для учителя сей школы способности»⁹.

В мае Совет университета назначил учителем в войсковую калмыцкую школу «студента университета казенного содержания Петра Сычугова, отличного по успехам и нравственности». Последний, судя по всему, не возражал против этого назначения, но обратился с «прошением, чтобы оставить его в Университете до окончания полного и уже истекающего студентского курса, дабы ему после экзамена получить на звание студента аттестат»¹⁰.

Совет университета передал на рассмотрение губернатора просьбу оставить Сычугова в университете для окончания полного курса обучения с получением соответствующего аттестата после сдачи выпускных испытаний. Губернатор согласился с тем, чтобы Сычуглов пробыл в университете «до исхода июля месяца настоящего года для окончания полного курса наук», разумно полагая, «что сие не только полезно для него собственно, но не менее и для тех, которым он будет преподавать правила учения», т.е. будущих учеников¹¹.

Сычуглов окончил курс университета со степенью действительного студента и был назначен учителем Ставропольского калмыцкого училища

с 4 июля 1819 г.¹² Это был первый случай появления в нашем крае преподавателя с университетским образованием. Интересно, что определен был педагог столь высокой квалификации в национальную школу, что подчеркивает внимание российских властей к распространению просвещения среди народов Поволжья. В училище Сычугов вел занятия по русскому языку и грамматике, Закону Божию и арифметике¹³.

Служба шла достаточно успешно. 19 октября 1824 г. он был удостоен чина губернского секретаря, получению которого способствовало наличие у него степени действительного студента¹⁴.

Этот чин по Табели о рангах относился к 12 классу, соответствовал армейскому поручику и давал лицу, его получившему, права личного дворянства. К этим правам относилась возможность иметь в собственности сельскохозяйственные угодья и зависимых людей. Правда, эту возможность надо было еще реализовать. Доходы учителя явно не способствовали занятию скупкой недвижимости и крепостных. Тем не менее, у Сычугова появилось небольшое имение в Ставропольском уезде, насчитывавшее 12 душ крестьян мужского пола, поселенных на 55 десятинах земли, возможно, как раз тех, что ему были обещаны от Калмыцкого войска в добавление к жалованью еще при приглашении на работу¹⁵.

Шестилетний срок обязательной отработки за казенные расходы по обучению в университете прошел, сам Сычугов нового назначения не искал, будучи в целом удовлетворенным местом и службой. Однако перспективы его дальнейшей педагогической деятельности в калмыцком училище оказались под вопросом по не зависящим от учителя обстоятельствам.

В 1823 г. была проведена «визитация» - осмотр этого училища экстраординарным профессором Казанского университета Суровцовым. Последний «нашел, что ничего особенного, кроме калмыцкого языка, в оном не преподается, да и заведение оно, без постороннего надзора, не обещает больших успехов, число учеников довольно ограничено и без стеснения могли бы поместиться в уездном училище», которое параллельно существовало в городе. Профессор Суровцов «почел за лучшее предложить начальству Калмыцкого войска, не согласится ли оно присоединить свое училище к уездному с тем, чтобы сумма, отпускаемая оным на учителя и содержание училища по 624 рубля 2 копейки в год, присоединена была к штатной сумме уездного училища». Главными резонами для такого соединения представлялись материальная выгода и усиление контроля за учениками: «Уездное училище умножится учащимися, приобретет значительную прибавку к своим окладам и может иметь верных пожертвователей, а, с другой стороны, Калмыцкое общество не будет иметь нужды расходовать на постройки и поправки училищного дома, который приходит уже ветхость, и обеспечено будет в надзоре за учением и поведением детей своих»¹⁶.

Предложение профессора было поддержано попечителем Казанского учебного округа, который в 1824 г. поднял поставленные Суровцовым вопросы перед Оренбургским военным губернатором и Министром народного просвещения. Министр, в свою очередь, приказал в 1825 г. отдать их на рассмотрение Ученого комитета Главного правления училищ¹⁷.

Одновременно директор народных училищ Симбирской губернии, в ведении которого находилось Ставропольское уездное училище, указал на серьезное затруднение, связанное со слиянием национальной школы с обычной общеобразовательной. Оно выражалось в разном уровне подготовки учащихся и знания ими языка преподавания. Выходом из сложившейся ситуации стал бы специализированный класс для дополнительной подготовки учеников-калмыков: «Для успешного хода учения с присоединением Ставропольского калмыцкого к уездному училищу необходимо нужно открыть в сем последнем прибавочный класс, для коего в штате особого чиновника не назначено: ибо от сего соединения училищ умножится число учащихся детьми, очень мало или вовсе не знающими русского языка, которые по настоящему положению все должны поступать в первый класс, от чего учителю оно будет пройти и половину предметов сего класса»¹⁸. В любом случае Сычугов оказывался не у дел, поскольку штатные должности в уездном училище были заняты другими, а вводимая должность учителя в подготовительном классе не соответствовала ни его квалификации, ни получаемому им жалованью.

Более того, в ходе многолетней переписки между различными ведомствами и должностными лицами о судьбе калмыцкой школы с Сычуговым обошлись чисто по-бюрократически, что заставляет поверить в придуманную историю о «поручике Кижее». Трудно уже установить, почему и на каком этапе переписки в министерстве сочли Сычугова за учителя калмыцкого языка, спутав его с переводчиком калмыцкого войска, который вел занятия в школе по изучению грамоты на родном для детей языке за 80 руб. в год. Именно эту сумму и было решено выделить Сычугову в 1826 г. в жалованье. Чиновников министерства не вразумило даже разъяснение директора Симбирских училищ, что Сычугов вовсе не является преподавателем калмыцкого языка и письма¹⁹.

18 марта 1826 года Ученый комитет Главного правления училищ принял решение, что он «не предвидит никакого к тому препятствия», чтобы осуществить «соединение в Ставрополе училищ калмыцкого с уездным»²⁰. 31 марта министр народного просвещения А.С. Шишков утвердил это решение о слиянии двух ставропольских школ²¹.

Двигаясь вниз по инстанциям это решение 29 августа было доведено директором Симбирских училищ до штатного смотрителя Ставропольского уездного училища и Ставропольской калмыцкой войсковой канцелярии. Им предписывалось, «чтобы ученики калмыцкого училища препровождены были в уездное училище, равно, чтобы деньги 624 рубля 2 копейки по третям года отсылаемы были в оное»²².

В сложившейся ситуации Сычугову ничего не оставалось как подать прошение об отставке. 28 сентября 1826 г. он был уволен с учительской службы «без награждения чином». При этом бюрократические приключения со службой в Ставропольской калмыцкой школе не были исчерпаны и найдут через десятилетия свое продолжение. В отставке он занялся делами семейными, судя по всему, где-то в это время женившись, а в январе 1828 г. у него родился сын Евгений. Однако впоследствии он овдовел, упоминаний о других его детях в документах нет. Жена не была помещицей, никакого родового или благоприобретенного имения за собой не имела и в приданое мужу не принесла²³.

Однако насколько бы ни была малочисленна семья, все равно ее следовало содержать, а на доходы с мелких поместий в Спасском и Ставропольском уезде было трудно прожить. Надо было возвращаться на государственную службу, которая давала стабильное жалованье и повышала социальный статус. Разумным оказалось решение Сычугова не искать иного поприща, а вернуться на знакомую стезю учительства, к которой он явно тяготел по образованию и по призванию, на которой он мог послужить с наибольшей пользой на благо общества и своих близких.

3 марта 1830 г. Сычугув стал исполняющим должность штатного смотрителя, т.е., по современной терминологии, директора Спасского уездного училища Казанской губернии. От того ли, что это место было временным, или из-за желания определиться в знакомые по прежней службе местности заволжской части тогдашней Симбирской губернии, но через год, а именно 2 мая 1831 г. он добился назначения в штатные смотрители Самарского уездного училища. Одновременно с этим назначением его произвели в чин титулярного советника, который относился к 9 классу Табели о рангах и соответствовал армейскому капитану.

На данном посту Сычугув сменил Василия Онуфриевича Барщевского, первого учителя и руководителя этого учебного заведения с момента его основания в 1825 г. Шесть лет, проведенных Барщевским в Самаре, стали важной вехой в истории культуры и просвещения нашего края. Во многом именно его трудами процесс становления системы народного образования, в основе которого стояло уездное училище, принял необратимый характер. Вместе с тем ему, уроженцу Малороссии и человеку, долгое время прожившему и прослужившему на Северном Кавказе, было непросто приспособиться к нравам и обычаям самарского общества, особенно его чиновно-дворянской части. Сычугув, рожденный, учившийся и работавший на Средней Волге, был более приспособлен к здешним условиям и традициям. Как бы то ни было, замена Барщевскому нашлась достойная и дело развития народного образования на самарской земле было передано в надежные руки.

В Самаре Сычугув проработал почти 21 год и закончил здесь свою деятельность одновременно с превращением города в губернский центр. 19 января 1851 г. он был переведен на аналогичную должность в Пермское уездное училище. За эти годы его успешные труды не раз были отмечены наградами руководства учебным ведомством и властями. Он вырос в чинах, став в 1837 г. коллежским асессором, т.е. чиновником 8 класса, дававшим право не только на личное, но и на потомственное дворянство. Неоднократно ему давались денежные награды и изъявлялись благодарности Училищного комитета Казанского университета и попечителя Казанского учебного округа «за благоустройство училищ»²⁴.

Употребление здесь слова «училищ» во множественном числе не случайно. Штатный смотритель уездного училища брал на себя контроль и попечение над приходскими школами в уезде, мог требовать от местных жителей и властей содействия в создании начальных школ первой ступени. Как штатный смотритель Сычугув, таким образом, являлся руководителем школьного дела в масштабе всего города и уезда. С его участием здесь появлялись новые

учебные заведения. В 1836 г. в Самаре было открыто приходское училище. Это было четвертое приходское училище в городах Симбирской губернии по времени открытия вслед за Симбирском, Сызранью и Карсуном. Помощь Сычугова в открытии и работе этого училища была отмечена Самарской городской Думой, которая трижды вручала ему знаки отличия беспорочной службы за 15, 20, 25-летие выслуги соответственно в 1839, 1844, 1850 гг. Также приходские училища стали открываться в селениях удельных и государственных крестьян Самарского уезда.

По оценке, данной начальством Сычугову, в 1851 г. он был «к продолжению статской службы способен и повышения чинов достоин»²⁵. Тем не менее, бюрократический бумеранг из Министерства народного просвещения вновь неожиданно ударил его, когда из Казанского учебного округа последовало ходатайство о назначении ему пенсии в размере полного оклада, на которую Сычугов имел право, прослужив 25 лет в школе.

В 1848 г. ему было первый раз отказано в пенсии. Оказалось, что «хотя Сычугов и выслужил 25 лет по учебному ведомству, но как в расчет этой службы входят 7 лет 2 месяца и 24 дня, проведенные в должности учителя в Ставропольском войсковом калмыцком училище, на причисление которой в полном количестве к службе учебной» не было найдено «в законах постановления»²⁶. Таким образом, ведомственная непринадлежность калмыцкой школы к Министерству народного просвещения вычеркнула 7 с лишним лет труда из педагогического стажа Сычугова.

В 1851 г. ходатайство о назначении пенсии было повторено. На этот раз из Казанского учебного округа в Министерство народного просвещения были представлены следующие основания:

1) «Коллежский асессор Сычугов поступил в должность учителя войскового училища совершенно в том убеждении, что эта служба ничем не разнится от общей учебной ведомства Министерства народного просвещения, в которую он, как казенный воспитанник, и был бы, конечно, назначен».

2) «Это произошло не от собственного его произвола, а от назначения начальства, которому он в качестве казенного воспитанника безусловно подлежал».

3) «Товарищи его по воспитанию все воспользовались пенсиею на основании правил для учебной службы существующих».

4) «К какому бы роду Государственной службы время пребывания его при войсковом училище ни относилось, но за действительную она сочтена и Правительствующим Сенатом, производившим его в чин, и Думою [при вручении - Л.А.] знака отличия беспорочной службы»²⁷.

Судя по документам, и на этот раз Сычугову в пенсии было отказано по все тем же бюрократическим препонам, не позволявшим суммировать время работы в учебных заведениях разного ведомственного подчинения. Дальнейшая судьба как данной просьбы, так и самого Сычугова остается за рамками данной статьи из-за переезда его в Пермь. После этого переезда Сычугов в Самарский край не возвращался.

С учетом небольшого перерыва на отставку и службу в Спасском уезде Сычугов всего проработал в нашем крае без малого 27 лет. Им были оставле-

ны здесь многочисленные ученики, русские и калмыки, накоплен и передан бесценный опыт следующим поколениям учителей и организаторов народного просвещения. Ставшие известными нам детали его жизненного пути и служебной карьеры дают интересные штрихи к общей картине формирования провинциальной самарской интеллигенции, в т.ч. в качестве примера появления в ее среде университетских воспитанников или выдвижения ее представителей в дворянскую элиту уездного общества.

Примечания

¹ См.: Артамонова Л.М. Первый учитель и штатный смотритель уездного училища в Самаре XIX века Василий Онуфриевич Барщевский // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей. Самара, 2003; Ее же. Власть и общество в деле народного просвещения на землях Поволжья в XVIII - первой половине XIX вв. // Поволжье - «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI - начало XX вв.) - Самара, 2007; Ее же. Начальные страницы школьного дела в Самаре (XVIII - первая треть XIX вв.) // Самара: от прошлого к настоящему. - Самара, 2007.

² См.: Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII - начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001; Ее же. Воздействие школьной реформы Екатерины II на формирование провинциальной интеллигенции // Человек в пространстве культуры (центр-провинция, провинция-центр). Челябинск, 2006; Ее же. Учителя общеобразовательных школ из детей священнослужителей и зарождение интеллектуальной среды в русской провинции конца XVIII века // Одиннадцатые Иоанновские Чтения: сб. научных трудов. - Самара, 2007.

³ Здесь и далее использованы: НАРТ. Ф.977. Оп. УК. Д. 953; Оп. Правление. Д. 884; РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253; Оп. 40. Д.196; Оп. 45. Д.65.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 12об.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 10об.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 3 и об.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 3.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 5 и об.

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 8 и об.

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 9.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 9об.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 12об.

¹³ НАРТ. Ф.977. Оп. Правление. Д. 884. Л. 8об.

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 11об., 12об.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 253. Л. 5об.; Оп. 45. Д. 65. Л. 12об.

¹⁶ РГИА. Ф.733. Оп. 40. Д.196. Л. 1 и об.

¹⁷ РГИА. Ф.733. Оп. 40. Д.196. Л. 1,2,3об.,4.

¹⁸ РГИА. Ф.733. Оп. 40. Д.196. Л. 7об.

¹⁹ НАРТ. Ф.977. Оп. Правление. Д. 884. Л. 11об.

²⁰ РГИА. Ф.733. Оп. 40. Д.196. Л. 16 и об.

²¹ РГИА. Ф.733. Оп. 40. Д.196. Л. 14.

²² НАРТ. Ф.977. Оп. УК. Д. 953 Л. 2об.

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 12об.-13.

²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 13об.-15.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 13.

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 1об.

²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 65. Л. 11 и об.